

18+

Игорь Бабаян

ЧЕРНЫЙ ЛАБРАДОР

*рассказы
разных лет*

Игорь Бабаян
Черный лабрадор

«Издательские решения»

Бабаян И.

Черный лабрадор / И. Бабаян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510398-7

Взрослые дети. Так обычно называют немолодых уже людей, сохранивших в себе «внутреннего ребенка». О них, а также о детях, которым в силу разных жизненных обстоятельств довелось рано повзрослеть, рассказы разных лет.

ISBN 978-5-00-510398-7

© Бабаян И.
© Издательские решения

Содержание

ЧЁРНЫЙ ЛАБРАДОР	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Черный лабрадор

Игорь Бабаян

© Игорь Бабаян, 2020

ISBN 978-5-0051-0398-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧЁРНЫЙ ЛАБРАДОР

Он проходил мимо моих окон каждый день в течение многих лет. Его глаза непременно, в любое время года, скрывали темные очки. В правой руке – белая трость, в левой – поводок-рулетка с чёрным лабрадором. Пёс вел Маленького Хозяина уверенно, маршрут за долгие годы изучен хорошо, заботливо выбирая путь, обходя преграды и выводя когда-то ребёнка, а ныне – шестнадцатилетнего юношу на безопасную дорогу. Поводырь был всегда внимателен к внезапным преградам, какой-нибудь упавшей с дерева ветке и (поводок им в помощь!) вел слепца в обход. Во всём облике чёрного, словно вороново крыло, пса чистых кровей было в эти минуты что-то величественное. Казалось, он осознавал важность своей миссии: он ведёт подопечного и от того, насколько хорошо он в очередной раз выполнит свою работу, зависит безопасность и здоровье человека, которому и так досталось от судьбы.

Маршрут менялся редко: от дома по тропинке, а затем по асфальту – к Церкви. Старинный, намоленный храм, воздвигнутый одним из птенцов гнезда Петрова в начале 18 века – это традиционный этап пути. Здесь, в просторном церковном дворе, летом царит несказанная красота. Величественный храм Божий высится в обрамлении старых дубов, степенно шелестящих листвой по соседству с молодыми берёзками, высаженными несколько лет назад, под пасху. Плакучие ивы, склонившись над мощёными плиткой дорожками, гибкими своими ветвями ласкают прихожан, спешащих на церковную службу. Издалека приветствуют богомольцев примостившиеся у решетчатой ограды яблоневые и грушевые деревья, словно напоказ выставляя крупные спелые плоды.

Маленький Хозяин с раннего детства знал историю старой Церкви, самой большой достопримечательности нашего городка. Однажды в первом классе он даже нарисовал её на уроке «изо». Памятью о Петровских временах остался трофейный шведский колокол. Его используют в качестве сигнального, созывая прихожан на молитву. В отличие от привычных российских «языковых» колоколов трофей распатывают для звучания. Голос у шведского набата, как и подобает набату, долгий и тревожный, словно напоминающий о временах, когда вершилось становление молодой российской империи.

В дореволюционные времена усадьба с церковью в центре её сменила не одного хозяина: от их сиятельств до сиятельных купцов, являя собой памятник русского барокко. После революции 1917 года храм был закрыт, обезглавлен и частично разрушен. И лишь в конце века минувшего созидательным трудом прихожан Церковь приобрела былой облик...

Маленький Хозяин, которому теперь уже не суждено было видеть всё это великолепие, любил подолгу гулять по церковному двору. Сюда, на территорию Церкви, с собаками нельзя, но для его «сынка» сделали исключение: поводырь – это не совсем даже и собака, скорее – глаза незрячего. В конце прогулки Саша с помощью кого-либо из прихожан входил в Церковь и зажигал свечи у образа Божией Матери, а затем усаживался отдохнуть в деревянной беседке, прислушиваясь к пению птиц и перезвону колоколов. Тогда и матёрому псу выпадала возможность подремать на дощатом полу, внимая снам о юной своей поре. Ух, и набегался же он, натрудился на всю оставшуюся собачью жизнь! Год тренировок: запоминать маршрут, различать и запоминать виды препятствий, уметь вести человека, переходя дорогу. Что только не придумывал кинолог, чтобы его «сын» был лучшим. Зато передавая пса девятилетнему мальчику, он мог с гордостью сказать: «Тебе достался мой лучший питомец. Можешь рассчитывать на него, как на себя самого!». Лабрадору Саша сразу же понравился и он про себя решил величать его Маленьким Хозяином.

Иногда, когда Маленький Хозяин бывал не в настроении, он быстро покидал церковный двор, устремляясь вниз, к реке. Тут уж поводырю бывало не до отдыха. Гонял его Хозяин, точно молодого. Ретривер, высунув язык, бежал уж рядом, не успевая уйти вперед, чтобы

человек оставался ведомым и тогда Хозяин нетерпеливо дергал поводок или, заводя правую руку за спину, тростью, будто прищипоривал пса. Поводырю приходилось ускорять движение, но ведь тропа к реке совсем не проста, тут уж держи ухо остро! Кто только по ней не бродит... А потому чревата неприятными всякими сюрпризами: то битой бутылкой, то скользкими под лапой пакетиками от лакомств.

На сей раз, правда, обошлось без экспромтов. Сегодня Маленький Хозяин не стал нарушать традицию и, побродив немного по двору и сняв большие белые наушники, уселся привычно в увитой плющом беседке, привычно прислушиваясь к перекличке пичужек и перебивам благовеста. Лорд как всегда устроился на дощатом полу, положив голову на лапы, и настороженно следя за своим Хозяином.

Тревожно верному спутнику. Казалось бы, не привыкать ему тревожиться – служба. И все же... Почему? Откуда тревога? Уж не потому ли, что вдруг загудел трофейный набат? Или потому, что ниже, у реки, вдруг запели старую печальную песню:

«Эх... дороги, пыль да туман,
Холода, тревоги, да степной бурьян.
Знать не можешь доли своей,
Может крылья сложишь посреди степей...»?

О чем думает Хозяин в эти минуты? О песне? О злосчастной своей судьбе и о том, что окончательно лишился зрения в восемь лет после нескольких операций в райбольнице: болезнь так и осталась непобежденной? О том, что ему, жизнерадостному некогда мальчугану, с трудом высиживавшему урок до конца и с нетерпением ожидавшему переменки, чтобы погонять в школьном дворе мяч, судьба оставила лишь домашнее обучение, когда не слышны привычная трель звонка и вслед за ним выплскивавшийся из классов весёлый гомон ребятни, а учебники,

готовясь к уроку, теперь приходится слушать, а не читать? Не потому ли он давно отказался от нечастых визитов школьного учителя, предпочтя учиться самостоятельно?

Так о чём думает Хозяин в эти минуты? Почему хмурит лицо? Редко стала навещаться сестра? Не привозит племянницу? Эта егоза-трехлетка вечно норовит доставить старику-псу большое беспокойство: то за усы потянет, то ухватит за хвост. Хотя, что Хозяину до собачьего беспокойства? Он в этой неугомонной, крикливой девчонке души не чаёт. Обнимет и долго, долго молчит. Егоза тем временем вырывается из его объятий: «Дядечка Сасечка, пусти, я с Ловдиком играть буду!».

Лабрадор, прятаящийся во время нечастых нашествий девчонки в столовой, под большим обеденным столом, накрытым старомодной темно-синей бархатной скатертью с бахромой, ждал егозу без радости.

– Ловдик, Ловдик! Вылезай оттуда игваться! – зовёт бывало егоза, подняв широкий край скатерти, укрывавшей ножки стола до половины и нацеливая на невольно щурящегося пса счастливый взгляд.

Поводырь, не сводя с неё укоризненных глаз, ждёт, что еще готова отчебучить любимица Хозяина.

Хуже егозы для лабрадора нет, пожалуй, ничего. Хотя, нет. Есть. Парикмахерская. Ходит туда Хозяин в будни: ещё бы – в какую-нибудь пятницу инвалиду за стрижку – 50 рублей, а в субботу уже 200! Оставляет поводья он у дверей, конечно, куда ж в храм гигиены, как он парикмахерскую называет, с животным? Тут, у дверей, и начинаются Лордовы мытарства: то любопытный малец подойдет, норовя непременно погладить, то подвыпивший прохожий пристанет с рассуждениями... И почему подвыпившим так нравится философствовать с собаками?..

Так о чём думает в эти минуты в церковном дворе Маленький Хозяин? Почему хмурит лицо? Быть может, вспоминает одноклассницу, девочку с первой парты, которую когда-то дёргал за косички и единственную из их 2-го «а», кто навещал его после всех операций? Настя давно переехала в другой город, а перед отъездом подарила ему свою сказку «Хромоножка», которую своим голосом записала для него на диск:

«Лил дождь, было холодно, и день клонился к вечеру. По дороге шла девочка с растрёпанными волосами, бедно одетая, с дорожным посохом в руке.

Она подошла к воротам богатого дома и постучала в них. Ей отворила высокая седовласая женщина. «Тётушка, – обратилась к ней девочка, – пустите переночевать, ради Христа».

Женщина взяла девочку за руку и увела с собою в дом.

Спустя несколько минут маленькая странница сидела уже в большой светлой комнате и грелась у камина. Она с интересом смотрела вокруг себя и улыбалась.

Хозяйка побежала вниз открывать. Подбежав к воротам, женщина с тревогой спросила: «Кто там? Так поздно».

«Я, матушка, отвори скорей», – послышался мягкий, но усталый голос.

Мать поспешно отворила и впустила сына.

«Здравствуй, родная! Как вы тут без меня?», – спросил сын, обнимая мать.

«Пойдём скорее в дом!», – отвечала мать.

Они вошли в комнату, где оставалась девочка. Незнакомец приветливо улыбнулся гостю и, сняв мокрый плащ, спросил у матери: «Кто она?»

«Странница, как и ты», – отвечала мать.

«Здравствуй, радость моя!», – неожиданно прозвучал в дверях сильный голос.

«Отец!», – раздалось в ответ.

Мгновение спустя молодой странник и хозяин дома стояли в дверях, обнимая друг друга.

«Долго же ты!», – засмеялась хозяйка.

«Так уж получилось, дорогая! Три мили – путь не близкий», – отвечал муж.

О девочке, казалось, совсем забыли. Между тем, запоздалые путники поели и обогрелись. Маленькая странница так и сидела у камина и глядела на огонь. Сын хозяина и хозяина встал и, подойдя к ней, спросил: «Как тебя зовут, дитя мое?».

«А как нравится, так и зовите», – ответила девочка, прищуривая лукавые чёрные глаза, – «прежде звали Хромоножкой».

Незнакомец опустился подле неё на колени и взял в ладони сперва левую стопу девочки, а затем – правую: «На правую ногу хромаешь?». Она кивнула в ответ. Он взял в ладони теперь уже обе стопы. Поднял голову и пристально и ласково стал смотреть на неё. Девочка взглянула на незнакомца с удивлением. Потом вдруг протянула руки и обняла его. Он встал, взял её на руки и спросил у матери: «Куда нести её? Уже поздно». Мать проводила его. Укладывая девочку в постель, он тихо произнёс: «Храни тебя Бог! Спи спокойно...».

«Тебя все дети любят!», – с гордостью сказала ему мать, выходя из комнаты.

Утром солнце светило и птицы пели. Молодой незнакомец собирался в путь. Отец с матерью редко видели его, у него была своя семья.

«Останься с нами», – попросила женщина девочку и провела рукой по её волосам, – «будешь нам вместо дочери!».

«Спасибо вам за всё, люди добрые! – сказала девочка, – только я – птица вольная и в доме тесно мне! К тому же», – добавила она и с благодарностью взглянула на незнакомца, – «я теперь смогу научиться плясать и буду ходить по земле с бродячими актерами и приносить радость другим людям!», – сказала она и запрыгала на месте, протягивая руки к солнцу»...

На этом голос Насти на мгновение умолкал и затем слышался вновь: «И у тебя всё будет хорошо, Сашок! Обязательно!».

Перед отъездом она навестила его во время прогулки в церковном дворе.

– Вот, Саша, пришла проститься.

– Да.

– Звонить-то будешь?

– Не знаю... Ты уедешь, тебя там ждёт другая жизнь.

– Ясненько... Ну, а скучать?..

– Буду. А ты, наверное, нет...

– Я не буду?!

– Ты. Нужен тебе какой-то слепой урод!

– Ты урод?! Сашка, дурачок, ты очень даже симпатичный! Вот ещё, урод! Ну-ка, дай, я тебя сфоткаю! Где мой маленький смартфончик?

– Ну, вот ещё! Нашла Джонни Деппа!

– Не Депп, но тоже ничего! Сессия! Сессия!

– Настюха, ну какие ещё фотки? Я не фотогеничный...

– Молчи, нехороший мальчик! Скажи: «Сы-ы-р»!

Повисла долгая пауза. Молчание нарушила Настя:

– Как же несправедливо всё это, ни с того, ни с чего и лишиться возможности видеть этот мир...

– Врождённая глаукома. Как же «ни с того, ни с чего»?

– Не видеть всю эту красоту, – она указала на Церковь и ухоженные деревья вокруг, – не видеть всего этого... Ты знаешь, я иногда закрываю глаза и пытаюсь представить, как это, жить в крошечной тьме. И тогда мне становится страшно! Очень страшно...

– Ну, не всё так мрачно. Мои глаза – «сын»», я чувствую по поводку, как он реагирует...

– Несправедливо всё это: видеть жизнь чужими глазами, а тем более глазами собаки-поводыря. Несправедливо...

– ... Глазами друга, настоящего, верного друга, а не собаки-поводыря. Несправедливо? Где же её искать, справедливость-то?

– Не знаю... Спроси что-нибудь полегче... Где-то вычитала, что справедливости больше в природе. Там правят инстинкты, отлажены пищевые цепочки... Чем ближе к ней, тем...

– ... Справедливость в природе?! Пищевые цепочки!.. В природе, где сильный пожирает слабого?! Лев – антилопу, волк – зайца. Сильный пожирает слабого, всё как у людей...

– Ладно, Сашок. Сказка-то тебе понравилась?

– Сказка понравилась. Спасибо, Настюха. Буду слушать ещё и ещё... Но это всего лишь сказка. Хорошая, добрая, но сказка...

... Так о чем думает в эти минуты в церковном дворе Маленький Хозяин? Почему хмурит лицо? Не от того ли, что мама все чащеказывается больной? Возраст, однако, пенсионный...

Молчит. Как всегда молчит... Немногословен Хозяин, не любит, как он говорит, пустых слов о пустых щах. За долгие восемь лет Лорд лишь раз-другой слышал, чтобы его Слепой поучаствовал в оживлённой домашней беседе.

А вот в том недавнем разговоре с сестрой Хозяина словно прорвало: – Как ты могла взять этот чёртов кредит?! Эти все «Быстро деньги» – это же бандиты легализованные!

– Ты-то откуда знаешь? Видел, что-ли?.. Ой, Сашок, прости, родной, не хотела я тебя обидеть! Всё случайно как-то получилось, хотели перехватить до Сережкиной зарплаты...

– Перехватили?! Нажраться твоему Серёжке было не на что, вот и «перехватили»! До зарплаты... Взяли сколько, а сколько теперь отдавать? Матери, вон, эти бандюги уж звонили, угрожали! Верни, говорят, дочкин долг триста тысяч, не то худо будет! Верни да поскорей! Часики, мол, тикают, а долг ваш увеличивается! И что прикажешь нам с матерью делать? Что у меня, что у неё пенсия грошовая. С чего отдавать-то? Квартиру что-ли продавать? А самим куда, на улицу?

– Сашок, ну почему на улицу? Поживёте у нас...

– Лена-Леночка-Ленусик... То есть для тебя продать нашу квартиру – это дело решённое... «Почему...». Да потому, что для меня все тут родное, знакомое! И ты здесь родилась! Это – наш дом! Я из дому даже без «сынка» могу выйти, побродить – каждая кочка на тропках знакома! Здесь природа. Церковь. У вас... А у вас-то что, рядом с вашей хрущёвкой? Природа? Одно слово – открытое шоссе. Шоссе – оно шоссе и есть. Ну и как нам в вашей двушке ютиться да еще и с Серёжкой твоим?

– Ну, зачем ты так? Серёжа не будет против...

– Против?! Алкаш он, твой Серёжа! Вот потому и угодили в капкан, что глаза у него... что глаза у него вечно залитые. Не была б ты прописана у нас, тогда эти бандюганы не нас с матерью, а его бы обеспокоили. Мать бы пожалела... Вон у неё приступ за приступом! За две-сти десять вчера зашкаливало! «Не будет против...». А ему, как с гуся вода! Вчера, небось, опять нажрался? Законный выходной – воскресенье...

– Не надо так! Не алкаш он! Он воевал! Ему Чечня до сих пор снится! Ночью кричит! Не надо так...

А внизу, у реки всё пели:

«Выстрел грянет, ворон кружит,

Твой дружок в бурьяне неживой лежит.

А дорога дальше мчится, пылится, клубится,

А кругом земля дымится, чужая земля...».

...О чём же думает Хозяин? Настя давно уехала?.. Любовь? Любовь... Любовь незрячего мальчика, любовь маленького беспомощного человека к красивой девушке, которая к тому же теперь далеко? Разве ответит она взаимностью ему, когда вокруг столько парней, здоровых, не нуждающихся в поводах... Молодых, здоровых, которым нравится жить и которые норовят взять от жизни всё и сразу... Бедный, бедный Маленький Хозяин!

Любовь... О, ретривер знавал несравненный вкус этого блюда, куда там до него какой-нибудь мозговой косточке из борща! Однажды, когда Маленький Хозяин схватил воспаление лёгких и угодил в больницу, у Лорда и случилась эта болезнь по имени Любовь...

Красотку своей породы только палевого окраса он встретил на прогулке с Хозяйкой. Мать Саши, в отсутствие сына выгуливавшая лабрадора, меняла маршрут в зависимости от обстоятельств. Ходили они тогда где-нибудь в районе больших и малых магазинов, где Татьяна Алексеевна делала покупки. Там-то, в скверике перед старенькой пятиэтажкой он и встретил Долли, сопровождавшую хозяйку, которая оказалась знакомой Татьяны Алексеевны.

Он тогда, будто глупый щенок, забыл о времени. Долли, как и все лабрадоры, казалось, желала осчастливить весь мир одним лишь фактом своего существования и даже (или Лорду показалось?) разделить эту радость с ним, служилым, далёким от сантиментов, псом. Они резвились, бегая взапуски и по кругу, веселя прохожих: словом, были счастливы.

Собачье счастье, как и всё доброе на белом свете, длилось недолго. Скоро Маленького Хозяина выписали и жизнь Лорда вернулась на круги своя: привычная служба, привычная дорога к Храму, привычный маршрут, не пересекавшийся с теми тропками, где гуляла Долли...

...Так о чём же думает Маленький Хозяин? Он всегда, почти всегда молчит, чем-то напоминая старый трофейный колокол, который для звучания нужно долго раскачивать... Раскачала его жизнь, да так, что его молчание слышится так гулко, так тревожно... Бедный, бедный Маленький Хозяин! Жизнь, конечно, штука несправедливая, но...

– Ты знаешь, мне иногда даже легко становится оттого, что я не могу видеть жизнь...

Лабрадор насторожил уши: Хозяин вдруг с ним заговорил!

– Странная она, жизнь. Когда ходил в школу, казалось, вот так, ступенька за ступенькой, буду идти по жизни и обязательно подниматься по этой лестнице: отличником окончу начальную школу, потом – среднюю, ну, а потом – пойду в колледж. Буду заниматься информационными технологиями. Сейчас это передний край... Придумаю что-нибудь замечательное, как Стив Джобс или ребята из «Гугла», стану знаменитым, куплю большой красивый дом. Умный дом, где не нужно самому зажигать свет... Приведу в него Настю... Детские мечты... Пустые бредни... Вот как всё вышло... Что я теперь? Слепец, который глушит в себе силу, желание жить. Бьюсь с собой каждый день. То стараюсь быть сильным, стыжусь своей слабости... То наоборот, пью её, свою слабость, как горькую настойку. Тогда боюсь сам себя, боюсь своих влечений, боюсь желаний: любить девушку, обнимать её, целовать, чувствовать рядом, быть для неё желанным, любимым... И разум мой тогда подсказывает: брось глупые мечтания, несчастный инвалид! В эти минуты я ненавижу себя... К чему мечты о счастье, для чего думать об успехе, кому всё это нужно? Мне?.. Мне... Мне нет! Остаётся только себя ненавидеть за то, что мне некому и нечего дать: ни уставшей от безнадёги матери, ни Насте, которая одна из всех сверстников проявила участие, ни даже Ленке, которая мается со своим несчастным мужем. Мне им нечего отдать, у меня нет ничего. Рано скосила меня жизнь... Я ничего не успел... Мне всё не позволено. Не позволено жить полной жизнью, любить, встречать рассветы с запахом травы, дарить любимой цветы... Почему всё так?

Для чего пытаться улучшать себя, стараться быть лучше, чем ты есть на самом деле? Для чего, если всё это не имеет никакого смысла? Для чего красивая одежда слепому, который не видит её на себе, а только ощущает? Не видит, как на его наряд реагируют люди вокруг?

Не лучше ли пойти другой дорогой: раз и навсегда принизить себя и не задумываться ни о чём? Оставить мысли о том, чтобы улучшать себя, быть примером для других: «Да, он угодил в трудную жизненную ситуацию, но не сдался на милость обстоятельствам»... Для чего?! Всё предопределено, Баба Яга назначена...

Что остаётся? Просто жить? Просто жить... Да, наверное, так... Просто жить... Вот сейчас, здесь, в церковном дворике, слушая пение птиц и звон колоколов...

Утомил я тебя, сынок, чепухой своей? Наверное, утомил...

Лабрадор, склонив голову набок и поводя ушами, не отрывал от Хозяина взгляда. Он редко делится с кем-то своими переживаниями, с чего бы теперь? Бедный, бедный Маленький Хозяин! От него исходил запах страха и отчаяния, для чего себя мучить? Недовольство жизнью, недовольство собой – всё это такое же никчёмное занятие, как псу смотреться в зеркало: не поймёшь, что это за незнакомец глядит на тебя, не лая и не виляя хвостом?

У решётчатых церковных ворот вдруг послышался визг тормозов. Из чёрного Мерседеса выскочили двое бородачей – один повыше, другой пониже – в джинсах и тёмных футболках с бейсбольными битами в руках.

Лорд напрягся, глядя на уверенным быстрым шагом направлявшихся к беседке мужчин.

– Итин гёрюрсен? («Собаку видишь?» – здесь и далее тюрк.), – махнув в сторону Лорда битой, бросил один другому.

– Э-э! Бу ит дёир, лабрадор ды, горхан ды («Это не собака, это лабрадор, они трушши»), – ответил тот. – Выр башына ве бес салам! («Бей его по башке и все дела!»).

Лорд поднялся и, разматывая поводок из рулетки, сделал несколько шагов вперёд, к входу, загораживая Маленького Хозяина.

– Пачиму денги не платыш, пацан? Твой сеструха нам денги должен! Многа! – крикнул, обходя беседку справа и подбираясь к Маленькому Хозяину, тот, что повыше. – Ты што, такой дэрзкий? Глаза у тебе не видит, а счас самсем инвалид станиш! Хочиш? – замахнулся он битой.

Лорд, захлёбываясь от лая, резко прыгнул, перемахнув панель беседки, словно барьер, и целя в руку бородачу, схватил её зубами за запястье и прикусил что было силы. От боли и неожиданности тот выронил дубинку и взвыл, отпрянув на несколько шагов. Его напарник, между тем, вбежав в беседку, замахнулся было на слепца. Отпустив высокого, Лорд вновь через панель метнулся в беседку, к «коллеге», и успел перехватить его руку, вцепившись в неё мёртвой хваткой.

– Ай сене!.. («Ах, чтоб тебя!..»), – взвыл тот, выронив биту и пятась из беседки, с трудом волоча за собой пса. – Рустем, выр буну, дайанма, выр, Рустем! («Рустем, бей его, не стой!»), – заорал он. – Выр башына! Бу ит дёир, шайтан ды! («Бей по башке! Это не пёс, а сам дьявол!»).

Высокий уже молотил пса дубинкой, удары сыпались на поводыря, ломая кости. Лорд упал на пол, скуля от нестерпимой боли и теряя сознание. Удары не прекращались. Поводырь уже не чувствовал их.

На крики Саши из Церкви, вспугнув бородачей, мигом исчезнувших на своём Мерседесе, выбежали несколько прихожан, подоспел и из своей сторожки старичок таджик. Обступив бессильно опустившегося на скамейку паренька, всё ещё не выпускавшего из рук поводка, они с сочувствием смотрели на лежащего в крови тяжело дышавшего пса.

– Чудны дела твои, Господи! Лабрадор вступился за своего хозяина... Ведь эти твари божии мухи не обидят! Чудны дела твои..., – дивился запыхавшийся от бега тучный, средних лет прихожанин.

– Собака тоже, как человек, тоже разный бывают, – покачал головой сторож. – Наверно, помрёт, жить не будет, – сказал он, глядя как тяжело вздымаются бока пса. – Наверно, хороший собака, настоящи друг, верный! – вновь покачал он головой. – Нет, не подимется, наверно...

– Это до чего же это зверё дошло, коллекторы эти?! – возмутилась старушка с зонтиком от солнца и в круглой соломенной шляпке. – Убивать кого?! Мальчишку-инвалида! И где?! Здесь, возле святой Церкви! Креста на них нет!

– На них не только креста, на них и закона нет! – согласился тучный прихожанин.

– Закон-то, слава богу, как раз уж есть, только не про их честь! Для них Бога нет, а раз так, то всё и позволено! – не согласилась старушка с зонтиком.

– Спас тебе, синок, твой собака, наверно, – сказал, глядя на глотавшего слёзы Сашу, сторож. – Если б не он... А пла-а-хих людей Всевышний покарает! Не надо плакат... Ты тепер... ты долго жить будишь, наверно...

Маленький Хозяин уже ничего не слышал. Поводок, натянутый до предела и изрядно перекрученный, сообщавший ему о том, что видит и чувствует «сынок», молчал.

На церковной колокольне вновь загудел трофейный набат...

Рассказ «Черный лабрадор» стал лауреатом 13-го межрегионального фестиваля конкурса «Алтарь Отечества» в 2019 г., а также вошел в шорт-лист международного литературного конкурса «Гайдаровский конкурс – 2016».

Иллюстрации художника Лидии Ивановой

Приключения «айтишкиных»

ИНЦИДЕНТ

На пути осуществления непрерывного учебно-воспитательного процесса в конце третьей (самой важной!) четверти возникло серьезное препятствие. В 5-м «б»! В бешеном классе! Рядом с учительской! За несколько минут до начала уроков! Менее чем за час до приезда комиссии из РОНО!

Завуч по УВР Лариса Алексеевна рвала и метала. Её маленькие серые глазки прищурились в две щёлочки. – Серёж! – набрала она номер (удалось!) по мобильнику. В силу отдаленности от райцентра, выход с мобильных в райцентр или, упаси боже, в какую-нибудь Москву был не всегда возможен – зона неуверенного приема. Случаются сбои даже при внутрисельском наборе абонента.

– У аппарата, – нерадостно отозвался большими трудами взявший отгул в своем ремцехе бывшего совхоза, а ныне сельхозартели, супругник.

– Тут такое! В 5-м «б»! Мы тут к комиссии готовимся, с ног сбились, ты представляешь, а эти... написали в классе на потолке: «Алина афца»! Углем, ты представляешь!? На потолке!

– Углем? Представляю, Лор, представляю, – нерадостно отозвался бродивший по жарко натопленному дому в трусах супругник, зевая и почесывая широкую, правда, без растительности, грудь.

На самом же деле он орудовал мыслями в другом направлении: вот-вот должен был прибыть «купец» за хряком Сникерсом и с детства любивший деньги Сергей прикидывал как бы получить с мясника подороже. При этом, как и всегда в важной денежной ситуации, брови его нервно подергивались.

– Углем, собаки такие! И где раздобыли-то? Село давно уж на газе... Чего делать? Щас уж комиссия прикатит...

– Уголь? Да в котельной! Там его завались. Да-а... Отзовишься тетя Тае. Дело плохое, – продолжая почесывать грудь и подергивать бровями, посоветовал супругник, на самом же деле как раз в этот момент решив, что дешевле, чем за 10 (десять) тысяч рубчиков он Сникерса не отдаст. В этот момент брови его стали подергиваться со скоростью, на которую горазд разве что Сникерс, удирая от очередного «купца».

– Ладно. Ложи трубку! Теть Тай! – без «пальта» (завуч с детства не особо «заморачивалась» по поводу орфографии и всякой другой пунктуации) выйдя в заснеженный школьный двор и удостоверившись, что рядом никого нет, набрала она родственницу. К слову заявить, данная родственница на самом деле была не просто родственница, а родственница-методист РОНО, причем с большим стажем работы. В силу этой причины, а также несомненных личных достоинств, непосредственно связанных с умением поддержать слабеющий огонек учебно-воспитательного процесса, Таисия Федоровна была непременным участником всех почти комиссий РОНО. – Тут у нас «ЧП»!

Послушав о кручинах племянницы, тетя Тая (она всегда помогала деревенской родне, наперед зная, что Ларочка ее не обидит: мясца – курятинки подвезет, а то и подарок какой из парфюмерии-бижутерии), авторитетно заявила: – Я постараюсь Алексеvну подальше от вашей учительской держать, ну и от этих твоих балбесов тоже. Да и ты семечки не щелкай, дай команду рабочему или кто у вас там по этому делу, пусть смоем или замажет как-нибудь.

– Теть Тай! Так ведь на потолке, туда еще долезть надо! Потолки-то у нас, ого, какие высоченные, никакой стремянки не хватит ... – Да уж, отгрохала советская власть в шестидесятые, – посочувствовала тетя-методист. И чего? Кто намазюкал – добрался? Вот и ты доберись. Ты завуч или чего? Все. Говорить более не в состоянии. Минут через десять выезжаем к вам. Алексевна уж торопит, а то дорога поганая, снегу навалило за ночь. Не ранняя весна, а поздняя зима, прости Господи...

В 5-м «б» между тем начинался урок английского. Матерый педагог Кирилловна, немало повидавшая на своем долгом учительском да и не только учительском, веку и, казалось, давно уж разучившаяся чему-либо удивляться, все же была крайне озадачена появлением крупной и неграмотной надписи на потолке: «АЛИНА АФЦА».

– What`s this? (Что это? – здесь и далее плохой английский) – пытаюсь, как положено, взять ситуацию под контроль, произнесла, заметно нервничая, и при этом почему-то поправляя белокурый парик, Кирилловна. – How bad! (Как это плохо!) Кто посмел это натворить? – из-за волнения и невеликого словарного запаса, перешла она на родную речь, теперь уже нервно дергая парик, – Руслан, ты?

Лучший хулиган школы, мальчик с взрослым лицом, заулыбался, старательно разглядывая под партой носки ботинок: – Это не я. Это Петр... Рыжий, ну зачем ты написал? – едва сдерживая хохот, обернулся он к пламенно-рыжему однокласснику, которого в зависимости от ситуации дружбаны звали то Рыжим Апом, то, по фамилии, Петром.

– А где Алина? – глядя на потолочную надпись, запрокинув голову и придерживая парик, поинтересовалась Кирилловна.

– Как где? – удивился Виталик. – Вот! – указал он на надпись.

– Надежда Кирилловна, Алина афца! – взялся объяснить Мурад с последней парты. – И это не Рыжий написал, а Вадик! – How bad, Вадик! – строго произнесла Кирилловна, вновь норовя взять ситуацию под контроль. – Вы что, нарочно к приезду комиссии устроили тут?..

– Алина заболела, не слушайте их! – вдруг крикнула Диана, вторая и последняя девочка в 5-м «б», несколько менее упитанная, чем отсутствовавшая Алина. – А они взяли и написали! – тут Диана как-то быстро всхлипнула и так же быстро заплакала.

– Ну, Дяшка! – погрозил ей кулаком Вадик.

– Та-а-к! – грозно произнесла Кирилловна. – How bad! Вадик, как ты посмел...

– Сюда, скорей! – ворвалась вдруг в класс Лариса Алексеевна, таща за собой старичка-рабочего Афанасьича.

– Stand up, please! (Встаньте, пожалуйста!) – без особой, правда, ретивостискомандовала неосознательным учащимся Кирилловна (»В

бытность завучем, – подумала при этом она, – «я не позволяла себе столь бесцеремонных вторжений даже в столь критические моменты»).

5-й «б» неохотно встал. Быстро перестав плакать, встала и Диана.

– Афанасьич, быстро замазать! – не обращая внимания на безмолвное приветствие «бешеных», поставила задачу Алексеевна.

«Бэшники», видя, что на них не обращают внимания, присели было, но тут же поспешно вскочили – в класс буревестником влетела Михайловна – завуч по УМР и по совместительству жена директора школы – Петровича. Беспощадная к окружающим, как в быту, так и в ходе учебно-воспитательного процесса, Елена Михайловна давно испытывала остро мотивированную неприязнь к коллеге. Свое отношение к Ларисе Алексеевне она неоднократно формулировала мужу в беседах, посвященных учебно-воспитательному процессу, следующим образом: «Умничает много. А так – дура – дурой». Но поскольку убрать Алексеевну из школы без очень серьезной причины было маловероятно (тетя – Таисия Федоровна была на хорошем счету у директора РОНО Татьяны Алексеевны), Михайловна не оставляла надежды на то, что,

она, очень серьезная причина, рано или поздно появится. В данный момент Михайловне показалось, что она, очень серьезная причина, наконец, объявилась.

Внезапно возникшую в классе Михалну, Кириллна, которая недолюбливала завуча по УВР, занявшую ее прежнюю должность путем длительных гнусных происков, встретила возмущенным возгласом: – How bad! – сперва приложив руки к арбузным грудям, а затем, словно индейская скво, воздев их (руки) к потолку, а точнее, к крупной и неграмотной надписи.

– Ну и как вы, Лариса Алексеевна, завуч по воспитательной работе, объясните комиссии все это? Позор! Позор на весь край! – указывая на злополучную надпись, и с трудом скрывая нежданную радость, выпалила, будто ее супругник в зайца из любимой двустволки, Михайловна. – Это ваша сфера ответственности!

– А что, я уж сообщала Петровичу по мобильнику...

– Причем здесь директор?! – вознегодовала Михайловна. – Чистота в школе – это ваша сфера ответственности! – How bad! – подтвердила Кирилловна.

– Написали, придурки! – грозно оглядела все еще стоявших «бэшников» Михайловна. – Да еще с ошибками! Кто у них ведет русский? – почему-то спросила она у Кирилловны.

– Магомедовна ..., – развела руками преподавательница английского языка. – How bad!

– А-а-а, ну ясно, – сказала Михайловна. – Что ж. Разбирайтесь сами. И с комиссией, уж эти не упустят возможности посмотреть кабинеты, объясняйтесь сами. Я умываю руки! – с этими словами завуч по УМР стремительно покинула класс.

– Чего она умывает? – недоуменно толкнул плечом соседа по парте Русик.

– Руки умывает, – ответил Рыжий Ап.

– Ах вы, сволочи! – искренне и непедагогично возмутилась Алексеевна. – Вы тута еще и развлекаетесь! Заварили тута кашу, не расхлебаешь! Все у меня на административную комиссию пойдете! Всех в Александрию отправлю!

– Рыжий, в дурдомовку хочешь? – негромко хихикнул Русик.

Судя по всему, перспектива перебраться в школу для не очень умственно развитых детей, Виталика не обрадовала, потому как он, как всегда непосредственно, высказался следующим образом: – Не имеете права! Я на вас в суд подам!

– Виталик! How bad! – укоризненно сказала, нервно дергая парик, Кирилловна.

Диана быстро заплакала. Мурад с Вадиком устали в стенку. Остальные последовали их примеру. Только Русик прятал улыбку, вновь принявшись разглядывать под партой носы ботинок.

– Лариса Алексеевна! – влетела в класс, подрастрепав от непривычно высокой скорости передвижения пышную прическу, пышная женщина и лучшая платиновая блондинка школы секретарша Лариса Ивановна.

– Минуточку! – оборвала ее завуч по УВР. – Вы как до потолка долезли? – снова обратилась она к 5-му «б». – Парту на парту ложили?

А в ответ тишина...

– Виталик, отвечай, когда тебя спрашивают!

Вновь молчание.

– Русик?!

Тишина.

– Леша, Вадик!

Ни звука.

«Как же до потолка долезть? Высоковато», – напряженно мыслила Алексеевна. – «Нет бы, построили школу с низкими потолками. Ведь и со стремянки вряд ли дотянешься...», – досадовала она, глядя на онемевших, будто лучший сельский алкаш Чулок при извечном вопросе участкового Михалыча: «Где взял самогонку?», «бешеных». И тут ее осенило.

– Не хотите, как хотите. Пока комиссия будет в школе, вы будете сидеть здесь, в классе, под замком. И не просто сидеть, а сидеть очень тихо, как мышь. Нету вас в школе, ясно?

– Ясно, ясно, – дружно закивали головами «бэшники».

– Что не так, глядите, с огнем играете, всех гуртом отправлю на административную комиссию! Афанасьич! – вспомнила она о старичке-рабочем.

Тот все это время оставался недвижим и сочувственно наблюдал за происходящим.

– Афанасьич! Дай этим балбесам известки и щетку. Пускай сами замазывают, как хотят! И не забудь запереть класс снаружи! И чтоб ни звука! – погрозила она Рыжему, уходя вместе с Ларисой Ивановной в учительскую.

...Очередная комиссия (в Ульяновской школе к частым визитам из РОНО привыкли, как к обсчетам в сельмаге) удалась на славу. Все прошло как положено, к удовольствию Алексеевны. Тетя Тая сдержала слово и путем хитрых происков так и не подпустила директора РОНО на убойное к учительской (и к 5-му «б») расстояние.

По традиции, заглянув в компьютерный класс, а также, полистав бумаги в кабинете Петровича, и сделав суровое замечание о необходимости привести в порядок отчетность, комиссия двинулась в столовую, где ее (комиссию), опять же по традиции и согласно законам гостеприимства, вкусно угостила старый кулинар Александровна: толстая невысокая и все еще розовощекая и радушная хозяйка. По традиции высокие гости угощались фирменным блюдом Александровны – шулюмом из баранины. После последнего тоста, который Петрович по традиции произнес стоя и высоко подняв бокал домашнего, из своих закровов, вина, «роновцы» умыли руки да и отбыли восвояси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.